

Т. И. Вендина (Москва, Россия)

**Размышления С. Б. Бернштейна
по поводу
«Общеславянского лингвистического атласа»¹**

Компаративистика XX в., критически освоившая опыт диахронической лингвистики предшествующего поколения, оказалась перед фактом ограниченности знаний, касающихся пространственной проекции многих праславянских явлений. Уже в начале XX в. стало очевидно, что эмпирические наблюдения над их историей имеют атомарный характер. Необходимы были обширные исследования всех славянских языков с целью систематизации и интерпретации этих явлений в пространственно-временном аспекте. Именно поэтому на I Международном съезде славистов в 1929 г. в Праге крупнейший компаративист XX в. А. Мейе выступил с докладом «*Projet d'un Atlas Linguistique Slave*», в котором поставил вопрос о необходимости создания «Общеславянского лингвистического атласа» для изучения генетических проблем славянских языков методами лингвистической географии.

В этом докладе С. Б. Бернштейн особо выделил один чрезвычайно важный, с его точки зрения, пункт. «Французские ученые предлагали рассматривать славянский диалектный континуум в аспекте единого языка. <...> К этому их толкала

¹ Публикация является расширенным вариантом тезисов, опубликованных в сборнике: Современная славистика и научное наследие С. Б. Бернштейна: тезисы докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося отечественного слависта д.ф.н., проф. С. Б. Бернштейна, Москва, 15–17 марта 2011 г. / Ин-т славяноведения РАН; МГУ им. М. В. Ломоносова, Филологический фак-т; [гл. ред.: А. Ф. Журавлев, Н. Е. Ананьева]. М.: [Ин-т славяноведения РАН], 2011. С. 51–54.

и привычная ситуация для германских и романских языков, где диалектные различия внутри одного языка сплошь и рядом глубже диалектных различий самостоятельных славянских языков» (Бернштейн 1990: 6).

Однако в тот период «еще недостаточно ясно осознавалось различие между лингвогеографическим изучением каждого славянского языка, с одной стороны, и “Общеславянским лингвистическим атласом” — с другой. Общая политическая обстановка 30-х годов в Европе не благоприятствовала проведению столь обширного международного начинания, поэтому оно не получило своего развития» (Аванесов 1978: 5). И только лишь спустя тринадцать лет после окончания Второй мировой войны, в 1958 г. на IV Международном съезде славистов этот проект вновь стал предметом обсуждения, когда с докладами о создании «Общеславянского лингвистического атласа» выступили Э. Штибер («O projekcie Ogólnosłowiańskiego atlasu dialektologicznego») и Р. И. Аванесов и С. Б. Бернштейн («Лингвистическая география и структура языка»).

Следует отметить, что уже при написании этого доклада между Р. И. Аванесовым и С. Б. Бернштейном возникли разногласия. «Один докладчик главную задачу видел в том, чтобы с помощью будущего атласа выяснить вопрос об отношении лингвистической географии к проблемам структуры языка. Основное внимание другого докладчика было направлено на конкретные проблемы сравнительной грамматики славянских языков. Практически различия сводились к следующему: один докладчик хотел выяснить на материале славянских языков одну из общих проблем теоретического языкознания; другой же стремился решать конкретные проблемы из истории славянских языков. Выход был найден: первую часть доклада писал один докладчик, вторую часть — другой» (Бернштейн 1990: 10).

Признав создание Атласа одной из важнейших задач славянского языкознания, съезд принял решение развер-

нуть работу над «Общеславянским лингвистическим атласом» и рассмотрел организационные формы осуществления этого проекта.

Началась разработка «Вопросника» Атласа, его «Программы». Работа эта велась в острой дискуссионной форме. Разногласия участников международной комиссии Общеславянского лингвистического атласа выявились особенно четко после доклада С. Б. Бернштейна уже на первом заседании этой комиссии в 1959 г.

Основные положения этого доклада сводились к следующему:

1. В ОЛА национальная атрибуция диалектов лишена всякого смысла. Мы изучаем не русские, польские, болгарские и т. д., а славянские говоры. Мы имеем дело не с национальной атрибуцией, а с этнической атрибуцией (славянское противопоставляется неславянскому). Так понимали задачу ОЛА первые его создатели. Карты ОЛА на карте Европы обособляют славянский языковой мир и показывают его диалектные типы, поэтому на картах ОЛА государственных границ не будет.

2. Вся наша работа в области лингвистической географии шла в плане диахронического языкознания. Однако в отличие от обычных национальных атласов ОЛА потребует от нас особого внимания к синхронно-функциональному аспекту. Именно здесь лежит главное отличие ОЛА от национальных атласов.

3. Транскрипция. Нет сомнений в том, что в ОЛА должна быть единая фонетическая транскрипция, основанная на латинской графике.

4. Число населенных пунктов. В Москве на съезде называли очень большую цифру. Реалистичнее предложение Э. Штибера — 350 пунктов.

5. Вопросник. Нужно ли включать в вопросник ОЛА вопросы, представленные во всех национальных атласах?

Уверенно ответить на этот вопрос трудно. Нужно всесторонне его обсудить.

6. «На Московском съезде славистов широко обсуждали вопрос о роли и месте в ОЛА неславянских языков. Здесь нужно различать два явления: неславянские языки (румынский, венгерский и др.) и славянские говоры на территории неславянских государств. Очевидно, что мимо данных фактов пройти нельзя» (Бернштейн 1990: 12).

Доклад С. Б. Бернштейна вызвал острую дискуссию. После этого доклада (особенно положений о национальной атрибуции лингвистических фактов) инициативная группа раскололась на два лагеря. Как пишет С. Б. Бернштейн, «в самой решительной форме <...> [проф. В. Дорошевский] заявил, что выступает против основных положений доклада. <...> Он заявил, что если доклад будет утвержден, то тогда он и его коллектив диалектологов принимать участия в работе над ОЛА не будут» (Бернштейн 1990: 12–13).

Следует отметить, что этот вопрос остается болезненным до сих пор, и в истории ОЛА был период, когда вопрос о национальной атрибуции диалектного материала, собранного в славянских диалектах на территории Греции и Турции и, соответственно, самих этих пунктов, стал причиной международного конфликта, приведшего к выходу болгарской национальной комиссии из этого международного проекта (в настоящее время после 25-летнего периода отсутствия болгарская национальная комиссия вновь возвратилась в Атлас).

Другой, не менее болезненный, вопрос — это вопрос о задачах атласа. С самого начала основания проекта С. Б. Бернштейн настаивал на синхронно-типологической или синхронно-функциональной ориентации Атласа. Именно в этом, с его точки зрения, заключается главное отличие ОЛА от национальных атласов. Однако именно этот синхронно-функциональный аспект, по его мнению, не учитывался при

разработке «Программы» и, соответственно, «Вопросника» Атласа.

Между тем этот синхронно-типологический подход в Атласе оказался все-таки реализованным. В обеих сериях Атласа — и в фонетико-грамматической, и в лексико-словообразовательной — появились структурно-типологические, обобщающие карты, эксплицирующие результаты анализа материала карт всего тома Атласа.

Синтезируя и упорядочивая огромный материал целого тома, эти обобщающие карты являются по своей сути интерпретационными, поскольку на них репрезентируются результаты сопоставления современных континуантов с более ранними, причем факты, не являющиеся продолжением развития собственно праславянских единиц, авторами элиминируются. При этом на картах получают отражение не только рефлексy картографируемых праславянских фонем, но и их позиционное поведение (отношение к ударению, вокальному количеству и консонантному окружению). После тщательного, скрупулезного сравнительно-исторического и лингвогеографического анализа авторами карт материалов всего тома искомая информация предстает на обобщающих картах в «чистом виде», что делает эти карты бесценным вкладом в сравнительно-историческое языкознание и лингвистическую географию.

Функциональный подход к интерпретации славянского диалектного материала лежит в основе и другой серии карт — грамматической. В настоящее время в Македонии, Словакии, Польше, Хорватии ведется работа над томами, посвященными выявлению сходств и различий славянских языков в системе имен существительных, прилагательных, местоимений и глаголов. В основе этой серии карт лежит именно функциональный подход, ибо они призваны показать дифференциацию славянских языков с точки зрения эволюции соотношения формы и функции праславян-

ских морфосинтаксических конструкций, заданных в «Вопроснике».

Не менее значимой является структурно-типологическая информация и на сводных лексико-слово-образовательных, мотивационных и номинативных картах, цель которых — представить в обобщенном виде различия либо в способах номинации, либо в словообразовательных средствах славянских языков. Карты этой серии позволяют не только увидеть разные мотивационные признаки в пространстве языка той или иной культуры, но и провести глубинную смысловую реконструкцию метафорических образов, лежащих в основе этих мотивационных признаков (см., например, реконструкцию метафорических образов божьей коровки в статьях В. Н. Топорова [Топоров 1999: 491], Т. И. Вендиной [Вендина 2003: 193]).

Думается, что излишний пессимизм Самуила Борисовича опровергается самой работой международного коллектива лингвистов. Несмотря на то что процесс создания Атласа растянулся во времени и при этом знал разные коллизии, его коллективу удалось опубликовать девять томов фонетико-грамматической серии: «Рефлексы *ё» (Београд, 1988), «Рефлексы *е» (Москва, 1990), «Рефлексы *q» (Warszawa 1990), «Рефлексы *ьг, *ьr, *ьl, *ьb» (Warszawa 1994), «Рефлексы *ь, *ь. Вторичные гласные» (Скопје, 2003), «Рефлексы *ъ, *ь» (Загреб, 2006), «Рефлексы *е» (Москва, 2011), «Рефлексы *о» (Москва 2008), «Рефлексы *tort, *tert, *tolt, *telt» (Praha, 2019) — и девять томов лексико-словообразовательной серии: «Животный мир» (Москва, 1988), «Животноводство» (Warszawa, 2000), «Растительный мир» (Мінск, 2000), «Профессии и общественная жизнь» (Warszawa, 2003), «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (Москва, 2007), «Человек» (Kraków, 2009), «Сельское хозяйство» (Bratislava, 2012), «Народные обычаи» (Москва — Санкт-Петербург, 2015), «Личные черты человека»

(Москва — Санкт-Петербург, 2020) — и это при том, что в 80-е годы публикацию Атласа пришлось «заморозить», так как в процессе работы возникли трудности экстралингвистического характера.

Благодаря Атласу произошло укрупнение компаративистских исследований, расширилась сама их парадигма, так как предметом изучения стала не просто структура слова, его этимология, но и его ареал и время возникновения. Пространственный дискурс вместе с описанием структуры и функции языковых единиц в синхронии и диахронии создали своеобразное гносеологическое триединство компаративистики XXI в., исследующей язык в трех измерениях — структуры, пространства и времени. Поэтому материалы Атласа являются ярким свидетельством того, что ОЛА дает возможность не только для сравнительно-исторического, но и для типологического изучения современных славянских диалектов, выявления типологических особенностей их исторического развития.

Атлас, бесспорно, явится прочным фундаментом не только для новых сравнительно-исторических, но и синхронно-типологических штудий, которые в будущем будут иметь своим итогом полноценную реконструкцию той языковой модели, с преобразованием которой связано существование семьи славянских языков.

Литература

- Аванесов 1978 — *Аванесов Р. И.* Общеславянский лингвистический атлас (1958–1978). Итоги и перспективы // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов, Загреб — Любляна, 1978. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1978. С. 5–26.
- Бернштейн 1990 — *Бернштейн С. Б.* Общеславянский лингвистический атлас (ОЛА). Критические заметки // Вопросы языкознания. 1990. № 6. С. 5–16.
- Вендина 2003 — *Вендина Т. И.* Общеславянский лингвистический атлас как источник реконструкции языка культуры // Общеславянский

лингвистический атлас. Материала и исследования 1997–2000. М.: ИРЯ РАН, 2003. С. 6–21.

Топоров 1999 — *Топоров В. Н.* Об одной мифоритуальной «коровье-бычьей» конструкции у восточных славян в сравнительно-историческом и типологическом контекстах // Славянские этюды. Сборник к юбилею С. М. Толстой. М.: Индрик, 1999. С. 491–532.

Samuil B. Bernstein's thoughts about “Slavic Linguistic Atlas”

The paper deals with the history of “Slavic Linguistic Atlas” project and gives critical assessment of Samuil B. Bernstein’s viewpoint on the possibility of its successful realization.

DOI: 10.31168/0459-6.22

М. Номати (Саппоро, Япония)

Эволюция взглядов С. Б. Бернштейна на кашубский вопрос

1. С 2005 г. кашубский язык в Польше имеет официальный статус самостоятельного регионального языка и упоминается как отдельный язык в польских научных публикациях (Oczkova 2011). В то же время вопрос о том, является ли он отдельным языком, остается открытым; на самом деле эта тема обсуждалась учеными с конца XIX в. и всё еще обсуждается в настоящее время (Popowska-Taborska 2006; Тихомирова 2017: 373). Противопоставление «язык — диалект» и таксономия языков неизбежно переплетаются с экстралингвистическими факторами, подвергаясь рассмотрению разными заинтересованными сторонами, которые меняются в зависимости от периода, в который описывается язык. Необходимо отметить, что официальная позиция относительно того или иного языка славянской группы России и Советского Союза как одной из влиятельных сил